

ная выставка «Города Петра Великого», выпущен целый ряд научных и популярных изданий, таких как «Великое Посольство: рубеж эпох или начало пути», «Пётр Первый в русской литературе» и другие. А мы говорим всего лишь о годе нашей работы.

Наследие Петра Великого имеет большое историко-культурное значение не только для единения российских городов. Важным и новым аспектом нашей работы станет активное включение в орбиту работы Института Петра Великого петровских городов Европы. Это будет способствовать дальнейшей культурной интеграции России и западного мира, России и Европы. Думаю, мы должны обсудить возможность проведения одной из будущих встреч в одном из европейских петровских городов.

Уверена (эту уверенность вселяют итоги первого конгресса и широкое представительство российских городов здесь), что наша работа будет не только полезной и плодотворной, но и чрезвычайно интересной для каждого из вас. Этот единый интерес к тому, что мы делаем, — самый главный источник вдохновения, без которого такие вещи, за которые мы берёмся, никогда не бывают успешными. А в успехе я абсолютно уверена!

№ 406

КУЛЬТУРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

М.Б. Пиотровский (Санкт-Петербург)
Директор Государственного Эрмитажа

Пётр и Музей

Очень рад, что петровская инициатива продолжается. У нас много разных инициатив, связанных с историей, но далеко не все оказываются естественными и воспринятыми душой, а не только бумагой. Здесь редкий пример того, когда хорошее, важное дело нравится всем — и тем, кто его организует, и тем, кто в нём участвует. Мы действительно нашли такой ключик, который объединяет людей со всей России вокруг плодотворной и интересной идеи. Поздравляю тех, кто это придумал — Даниила Александровича Гранина, его соратников и всех нас с тем, что это происходит.

Алла Юрьевна Манилова упомянула, что было бы важно провести конгресс петровских городов в одном из европейских городов. Более петровского города, чем Амстердам, в Европе нет. А в Амстердаме есть «Эрмитаж-Амстердам». Там у нас будут большие выставки и о Петре, и о доме Романовых. Мы готовы принять конгресс в Амстердаме. Есть даже тема: существуют новые разработки, связанные с историей каналов. Зачем, почему и как делались каналы в Амстердаме? Мы знаем, что они произвели большое впечатление на Петра.

Мой доклад посвящён теме «Пётр и Музей». Музей — с большой буквы. Хотел бы коснуться важных проблем музейной истории, связанных с тем, что сделал Пётр. Не буду рассказывать о Кунсткамере, не буду рассказывать о Петергофе, о многом другом. Об этом много написано. Упомяну несколько принципиальных идей, которые связывают петровскую эпоху с сегодняшним днём.

Музей как учреждение, как институт родился в Европе, это признак европейской культуры. Зарождение музейного дела и музейного мироощущения — важный шаг России в направлении Европы. Скорее даже привнесение Европы в Россию. Напомню, что Петер-

бург — окно, из которого Россия смотрит на Европу и кое-что забирает себе. Но дело это более сложное, связанное с метафизикой музея. Пётр осуществил в России принципиально важные музейные инициативы.

Первое и главное — это Венера Таврическая. На мой взгляд, это одно из самых революционных действий Петра Великого. Трёхмерное изображение, абсолютно непонятное для России, изображение обнажённой женщины, языческой богини. Это действительно эстетический переворот, и переворот этот произошёл и в умах зрителей, и в умах творцов. Это — Музей, потому что в основе лежит музейная психология. Статую заставляли смотреть, а мы знаем, что в музей надо людей приводить, надо находить разные способы их притягивать. Тогда заставляли, принуждали. Так сегодня мы иногда уговариваем смотреть современное искусство, немножко его навязываем.

Венера Таврическая, как вы помните, сначала стояла в Летнем саду. Это не просто сад, а некий учебник, школа греческой мифологии, и люди учились там, так же как мы учили там басни Крылова. Это назидательно-дидактический аспект музея.

Музей — всегда немножко школа, в музее приучают и воспитывают, иногда приучают к необыкновенному. Пётр приучал видеть высокие образцы культуры. Венера Таврическая — действительно одна из величайших скульптур мира (понятно, что это римская копия), самая эротическая, самая красивая. Это создание традиции вещи, на сегодняшнем языке — супервещи, исключительной вещи.

С другой стороны, это и история собирательства. История романтическая, вокруг которой очень много легенд. Как эту скульптуру нашли, как преодолели «закон об охране памятников древностей» в Ватикане, какие вели сложные переговоры. Пётр обещал то ли передать в Рим мощи святой Бригитты (не дал, разумеется), то ли помочь их достать. Другая версия — что открыли путь католическим миссионерам в Китай (тоже звучит современно). Короче говоря, блестящий пример того, как при множестве сложнейших препятствий удалось добыть этот памятник для России. Это музейная история, активная, агрессивная музейная политика.

Собственно, Музей — это три вещи. Первое — собирание сокровищ, второе — их каталогизация и систематизация, а третье — это культ предков, об этом чуть позже.

Было и другое собирательство. Была «Сибирская коллекция» Петра. Это собирание отечественных древностей. Это тоже музейная идеология, почти метафизика, поиск собственных корней. Поиск корней и их предъявление. Например, скифские древности и

античная Россия — у нас есть свои древности, есть своё прошлое.

В этом была важная идея Петра, из которой рождалась вся система охраны памятников, которая включала как принуждение, так и заинтересованность. Напомню, что древние скифские предметы требовалось выкупать. Их выкупали, за них платили деньги, а не только отнимали. Самый тоталитарный русский царь платил деньги. Опять пример, как нужно сочетать интерес и насилие в охране памятников.

После петровского периода собирания скифских коллекций в течение столетий ничего похожего больше не находили. В общем, в последний или предпоследний момент нашёл он возможность это собрать.

Удивительные китайские коллекции, которые собирал Пётр, были тесно связаны с дипломатией. Он получал замечательные вещи из Китая, потом дарил их европейцам. Он включал китайскую дипломатию и дорогу в Китай в свою дипломатию в Европе. Это воплощено в чудесных китайских и других восточных коллекциях, которые он собрал.

Накопец, Кунсткамера — это тоже трофей, это собранные сокровища. Это систематизация в большей степени, чем Венера Таврическая. Это схема каталога, систематизированного каталога, который лежал в основе античного Мусейона. Кунсткамера — это попытка из интереснейших вещей собрать научную картину мира, разложенную по полочкам. Это идея всех кунсткамер мира, поэтому тут и рисунки, и книги, и диалог культур, и мамлюкские кубки, и античные геммы, и естественнонаучные коллекции.

В Кунсткамеру, как к Венере Таврической, заставляли ходить людей, как мы заставляем школьников, привлекали их разными способами. Это почти современный музейный маркетинг. И эта легендарная рюмка водки (которая была или нет — не знаю) — это же наши сегодняшние кафе и всякие развлекательные штучки в музеях.

Должен ли быть музей общедоступным? Это целая проблема, огромный вопрос. Пётр создавал музей общедоступный, как бы для всех. Екатерина II сразу пошла по другому пути: Эрмитаж — это не общедоступный музей, это музей для своих, для понимающих. Так он был создан и долго функционировал. Он и сейчас сохраняет такой оттенок. Эрмитаж очень демократичен (как полагается всякому аристократу), но есть оттенок того, что существуют свои, особо причастные к этому музею. Это завет Екатерины. Но у Петра этот аспект тоже был. Монплеизр, Эрмитаж в Петергофе — это

музеи для своих, музеи для элиты. Потом они тоже становятся «для всех», но сохраняют некую элитарность, людей воспитывающую и подтягивающую.

Теперь о живописи. Пётр собирал европейскую живопись, и это была революция. Писали, что это было для него, привыкшего к московской живописи, что-то совершенно новое. Если мы посмотрим на коллекции (тщательно изучено, как Пётр собирал и покупал коллекции — живопись, скульптуры, книги), то возникает вопрос — насколько петровский вкус был отражён в том, что приобреталось? Трудно судить, но тем не менее ясно, что покупалось то, что было ему интересно. Поэтому у нас Ян Стен с разными драками и бытовыми сценами. В эрмитажных картинах, приобретённых Петром, много персонажей, похожих на самого Петра, — такой усатый образ. Вероятно, это случайность, но тем не менее таких персонажей больше, чем в среднем голландском музее.

Вот удивительная картина — первый Рембрандт, девяностопроцентный Рембрандт; привезённый в Россию — «Давид и Ионафан». У нас нет уверенности, что её покупали именно как историю Давида и Ионафана. Не думаю, что Пётр об этом размышлял. Но мы получили первую в России великую картину, и вся она посвящена истории предательства, истории отношений отца и сына, царя и друга, возведшего царя на престол. Это не значит, что в петровское время сюжет понимали так же. Но эта картина уже столько времени живёт в России, что этот аспект обязательно присутствует. Эрмитажные рембрандты уже триста лет в России, они имеют свои, русские открытые и скрытые смыслы. Так что эта покупка была с очень дальним не прицелом — прицела не было, это прицел судьбы, — а смыслом. Она показывает нам, как заниматься музейным делом.

И последнее. Музей — это сокровищница, музей — это каталог, и музей — это культ предков. Сам Пётр стал образцом для музейной деятельности, мы сохраняем память о нём. Сохраняем его вещи, которые хранили с самого начала: кабинет Петра Великого, коллекция Петра Великого. Такие вещи есть не только в Эрмитаже, они есть по всей России, во многих музеях петровских городов. Думаю, у нас будет отдельный разговор о петровских реликвиях в музеях России.

Пётр сам стал музейным объектом, который воплощает один из важнейших смыслов музея — сохранение памяти. Восковая персона — это воплощение духа послепетровской России и символ того, как человек становится музейным образом и музейной памятью, одновременно духом и подлинностью. У нас здесь дух Петра, идеи Петра и подлинные предметы Петра.

Это тоже часть музейной парадигмы, привнесённой в Россию в петровские времена. Она продолжается, и мы должны её продолжать, потому что наше право на воскресение в будущем определяется сохранением памяти о предках. Другого пути нет.

Как я говорил вначале, Пётр был восхищён Амстердамом, он бывал там, жил в отеле «Дулен», недалеко от здания, которое называется «Амстелхоф». Через триста лет после его пребывания в этом здании открылся «Эрмитаж-Амстердам», где в день открытия был устроен такой же фейерверк. Надеюсь, через некоторое время мы устроим такой же фейерверк в честь конгресса петровских городов в Амстердаме.